

Алексей ДМИТРИЕВ — член Московской организации Союза писателей России. Родился в 1970 году. Коренной москвич. Учился в Литературном институте им. А.М. Горького. В разное время выпустил десять авторских сборников. Семь поэтических: «Минуты обрывистой край» (1995), «Зеркало в зеркале» (2006); «Путь» (2010, под псевдонимом Алексей Копылов), «Стихи 2012» и «Стихи 2013», «Ступени» (2014), «Ступени-1». Ещё три сборника — проза со стихами: «Желтая история» (2008), «Путь» (2011), «Сорок сороков» (2015).

Произведения Алексея Дмитриева публиковались в сборниках «Самое сокровенное» (1992), «Поэты Москвы XXI века»; в альманахах: «Сияние лиры», «Полет души» (2007), в журнале «Свет. Природа и человек» (1997), альманахах «Канатаходцы», (2015), «Русь православная», «Литературная республика», «Год литературы», «Большая книга лауреатов». Алексей Дмитриев является победителем литературного конкурса «Русь православная», награжден серебряным крестом.

* * *

Полны надежды и тревоги
в пустыне мира миражи.
Язык, глаголящий о Боге,
сплетает истину из лжи.
Орда Земли собирает дани
с тех, кто любовью опален,
и эйкумена мирозданья
таит вселенную времен,
где слово просто, не избито,
рассвет росой ночи нов,
окружены культурой быта
во граде сорок сороков.
В степи восточной жаждет нищий

крещенья западной войны,
и дует северный ветрище
от скандинавской стороны.
Храни, Владычица вселенной,
алканье, что не превозмочь,
забвенья яда жизни тленной
и юга царственную ночь.
Храни, Владычица вселенной,
Руси крещение, когда на
острове Святой Елены
низложишь ветры Тамерлана.
Покрова старицы столица
и обывательского ила
неложной верой умирится
святого князя Даниила.
В сердцах огонь струится жарко,
звездой взойдет культура слова,
молитвой тихой патриарха,
что спит в обители Донского.

* * *

Креста этнического доски —
не он, она, а лишь оне,
и пишет солнце днем московским
«лабарум» римский на стене.
Цивилизация — машина,
и духа в оной не найти,
и лишь в культуре нерушимо
властей начальство девяти.
Москва-река — столицы вена,
очистит ток воды ее
не Эхнатона перемена,
а Константина житие.

* * *

Там, где лишь я и все другие
державный иннок мир умирь,
лишь легкий ветер ностальгии
хладит Данилов монастырь.
Не для допросов и погонь
сияют звездные поля,
и греет солнечный огонь
кирпич оранжевый Кремля.
Великий пастырь Гермоген,
благословивший град земной,
в толпе Премудрости измен
один созиждет верность Той.
В газетах грязь и сумасбродство,
что на престол возведены,
душевный мир болезнью роста
изранен на тропе войны.
Отдохновенье — эйфория,
что подменила благодать,
и подозрительность от змия,
кто манит злом за зло воздать.
Тех, у кого оскал акулы,
не знает жизни летопись,
лишь у кого косые скулы
с знаменьем крестным соплелись.
Венцом колючим жалят звезды
в полночном воздухе Москвы,
и где к толпе Владыка Грозный
не обращается на вы.
Надежды верность Хронос душит
среди скорбей, забот и бед,
но возвернется в дух уснувший
пасхальный звон — весенний цвет.
Эгоцентризма злая сила
Крестом одним сокрушена,

и как бы время ни косило,
не возвратится в мир она.

* * *

Рабски собирая поэзии мед,
сердце, золотое мгновенье лови.
В мире, где тяга к единству живет,
мстит полнолунье соблазнам любви.
Старость вращает времен колесо,
только проснулся — пора на покой,
душит мечты обезволенный сон,
что не отгонишь своею рукой.
Душу согреть попроси у огня,
лед бытовой обжигаяще зол,
в память нездешние ветры ловя,
жертву свою возведя на престол.

* * *

Таят двоякий образ лица —
в воздухе Солнца символ дан,
и белозлатый царь столицы —
кумир Великий Иоанн.
С востока веет ветер ханский,
ала рассвета полоса,
и в колокольном звоне Пасхи —
весны зеленые глаза.

* * *

В синеву открывается дверца,
чистотою Небесной храня,
только воском растаяло сердце
пред лампадой земного огня.
Путешествует солнце по кругу,
показуя святыни Земли,

облака сообщают друг другу
невесомость над царствием тли.

* * *

В обмане золотого мая
огонь, рождаемый зимой,
хранится, светом пробуждая
звук воскресения немой.
Величит ночь земные тени,
покоит маятник слова,
и о желаемой измене
забвенья просят чувства два.

ОТ СТРАСТНОЙ ПЯТНИЦЫ ДО СВЕТОЙ СЕДМИЦЫ

На камне живом исторический храм,
колеблемый здесь и незыблемый там.
Воздушные замки разрушат года,
лишь вечный алмаз не подточит вода.
Здесь царственный лев и жертвенный вол,
священный огонь окружает престол,
и лишь тяготенье напомним о том,
что чувство шестое дается крестом.
Очистится дух, покаяньем горя,
и воздух из горнего легок и нов,
где пламень возносит к подножью Царя
победную песнь четырех языков.
За левым плечом в возвышении дна
стоит пустота. Остается одна
усталость от мелких и суетных дум,
то Ангел меняет измученный ум.

Земные рабы пробудиться смогли
молитвой Того, кто уходит с Земли.
Блится престол, и клубится пред ним
золотого кадила серебряный дым.

И в тени предсмертной надежда свята —
нездешнего светлого неба врата.
В незримую вечность иконы окно
открыто. Осталось желанье одно —
души океан от волненья избавить,
и временем движет воздушная память,
где, звездами и тишиною отмечен,
во храм уплывет исчезающий вечер.
Тяжелые тени отброшены прочь,
пространство погоста вторгается в ночь.
Сомненье не тронет незримой рукой
Субботы Великой прохладный покой.
Из сердца изымет тревоги иглу,
В ничто обращая уныния мглу.
Дрожащее пламя в звенящей ночи,
горение красной пасхальной свечи.

* * *

Субботний закат упоительно тих,
где в сердце низводит надмысленный стих
предвечный Владыка таинственных лир,
из хлада зимы поднимающий мир.
Зажжен с четырех поднебесных сторон
багряным огнем торжествующий звон —
воскресшее солнце пасхальной весны
во тьме освещает пустынные сны.
Исходит из храма и движется прочь
от легкого звона в безлунную ночь,
храня от огня обезличенный град,
молитвы вечерней густой аромат.
В невидимый свет, что царит искони,
вечерние звезды прохладны. Одни
хваленья возносят свечные огни
и светлой седмицы прекрасные дни.

* * *

Излил дары святых пророчеств
в общенье дружное мужей
Дух, что святил во время ночи
лишь Иоилевой душе.
Но моно ум во время оно.
И, дух культуры сокруша,
число златое Соломона
желает мертвая душа,
чтоб воздух пасмурного дыма
огнем священным напоил
тот лев с оружием херувима,
что зрел в виденье Даниил.
Восстанет прах под новым небом,
исчезнет горькая вода,
Иезекилю срок неведом
во бремя тяжкого труда.

КРЕМЛЬ

В московский центр Руси история вела
теченье быстрое таинственного тока,
где свет заката пламя льет на купола,
и сила предков движет ветры от востока.
Патриотизм не упокоится народом,
огонь Творца — не потребленья черный дым.
Восходят в вечность образы и оды,
и фимиам отечества пред Ликом неземным.

